

Гоча Пасиешвили

**Абхазские
рассказы.**

18+

Гоча Пасиешвили
Абхазские рассказы.

«Автор»

2026

Пасиешвили Г. А.

Абхазские рассказы. / Г. А. Пасиешвили — «Автор», 2026

Рассказы об Абхазии из нашей юности. Много любви и фантазии.
Посвящается всем кто жил в эти счастливые годы.

© Пасиешвили Г. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Жёлтое знамя Даура	5
Как я мечтал на дереве	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Гоча Пасиешвили Абхазские рассказы.

Жёлтое знамя Даура

Если вы когда-нибудь видели, как абхазский парень смотрит на дерево мимозы за день до Восьмого марта, — знайте: в этот момент решается судьба урожая. Не того, что в мандариновых садах, а того, что пушистым золотом осыпает склоны. Даур стоял у покосившегося забора санатория и целился взглядом в огромный куст. Вид у него был не мечтательный, а сугубо хозяйственный: так смотрят на барана перед шашлыком.

— Эй, дерево! — тихо сказал он кусту. — Ты только не шуми. Я тихо. Оно тебе надо — чтобы я позорился?

Куст, разумеется, промолчал, лишь пчёлы загудели басовитее. Даур хмыкнул, перекрестился для порядка и полез через прореху в сетке. Ветка, которую он присмотрел, тянула метра на полтора — настоящая оглобля, усыпанная пушистыми жёлтыми комочками. Когда она поддалась с влажным «хрум-м-м!», Даур чуть не съехал на спине по мокрой траве.

— Ай, молодца! — похвалил он сам себя. — Теперь держись, район!

И двинулся вниз, к Старому посёлку, неся добычу на плече, как знаменосец — полковое знамя. А навстречу ему, с авоськой, полной кефира и хлеба, попала тётя Флора. Та самая соседка с первого этажа, про которую мама говорила: «Этой женщине отдельный громоотвод нужен, а не муж».

— Ба! — Тётя Флора остановилась и упёрла руки в необъятные бока. — Ты что, Даурик, с ботанического сада дуб спёр?

— Это мимоза, тётя Флора! — радостно отрапортовал парень и одним точным движением отломил от основания ветки три пушистые грозди. Жёлтая пыльца облачком осела на его бровях.

— С Восьмым марта вас, тётя Флора. Простите, что в прошлом году музыку через стенку слушал. Это вам. Нюхайте и не сердитесь.

— А? — Тётя Флора от неожиданности выронила авоську, но кефир спасло то, что она инстинктивно поймала букет. — С ума сошёл, мальчик? Это ж веник! Куда мне его? На могилку?

— Ну, тётя! — Даур обиженно раздул ноздри. — Какой веник? Вы принюхайтесь! Это ж вам не сельдерей с базара. Это чистый праздник.

Соседка недоверчиво уткнулась носом в жёлтые шарики и вдруг расцвела лицом — именно так, как цветёт старая груша, если в неё внезапно ударит молния.

— Ах ты ж, паршивец желторотый! — шмыгнула она носом, уже улыбаясь. — Ублажил старуху. Иди, иди, пока я тебя целовать не начала.

— Не надо целовать, — быстро сказал Даур, отступая. — Мне ещё остальных поздравлять.

И он двинулся дальше, оставляя за спиной медовый шлейф и неожиданно счастливую тещу всего подъезда.

У продовольственного он почти налетел на трёх девушек: те стояли кучкой, шуршали пакетиками с семечками и делали вид, что не глазят на парня, несущего на плече целый склон горы.

— Девушки! — скомандовал Даур голосом тамады. — А ну, стоять. Вы чего такие непричёсанные? Это не порядок в праздник.

— А ты что, Даур, теперь парикмахер? — хихикнула та, что была повыше, Гунда. — Или мимозой расчёсывать будешь?

— Будете смеяться — не получите ничего, — пригрозил он. И тут же, сменив гнев на милость, отломил три отличнейшие ветки. — Натё. Только чур: в вазе с водой, а не в кружке. Иначе мимоза обидится, засохнет и проклянет ваш класс. Будете до мая тройки получать.

— Ой, Даур, ты ж наш рыцарь! — хором ахнули девушки, переглядываясь и прыская в кулачки. — А ты куда с этой жердиной?

— Это, — Даур гордо подбросил свою ношу, — стратегический запас. Сказал и пошёл, чувствуя спиной восхищённые взгляды.

Но главная проверка ждала его в глубине двора, где на облупившейся скамейке сидели те самые три грации: Эмма, Ника и Наала. Та самая тройка, что в прошлом году устроила ему царство льда и молчания. При виде Даура они, как по команде, сунули носы в телефоны. Но по тому, как дрогнула бровь у Эммы, как Ника прикусила губу, а Наала шёпотом прыснула в ладонь, — сразу стало ясно: спектакль.

Даур остановился напротив, воткнул основание своей ветки в трещину в асфальте и облокотился на неё, словно чабан на посох.

— Здравствуйте, злые феи моего позора, — начал он громко. — Узнаю старый гадюшник. Сидите, мёрзнете?

— Даур, не смейся людей, — повела плечом Эмма. — Чего ты с этой пальмой ходишь? Заблудился?

— Это не пальма, это расчётная ведомость, — парировал он. — Прошлый год, Астанда, Ника, Наала, — вы меня объявили врагом народа за то, что цветов не подарил. А помните, что сказала лично ты, Эмма? «Даже географ наш, которому семьдесят лет, и тот всех поздравил!» Я эти слова год пережёвывал. Хотите, расскажу, как они звучали в моём больном сердце?

— Ну и как? — с любопытством спросила Наала.

— А так: хруст, хруст, скрежет зубов! — Даур театрально сжал челюсти. — И решил я отомстить.

— Отомстить? — Ника приподняла бровь.

— Да! Массово, — Даур рванул с ветки пышный пучок. — Это тебе, Ника, чтобы ты больше никогда не говорила, что я скупой, как прошлогодний мандарин. — Он вручил ветку ошеломлённой девушке. Затем повернулся к Астанде: — А тебе, душа моя, чтобы ты перестала запускать в меня ластиком на алгебре. И тебе, Наала, — макушку! самую жёлтую! — чтобы ты больше не жаловалась, будто парни из нашего класса — хлебные корки без изюма.

Последним актом он протянул самую крупную, самую пушистую ветку Эмме.

— А тебе, госпожа староста, чтобы ты занесла в протокол: Даур Чхотуа исправился на сто процентов. И даже с прибавкой.

Три девушки сидели, уткнувшись в пахучую мимозу, и уже смеялись, перебивая друг друга: «Ой, смотри, пыльца на джинсы!», «А пахнет-то как, мама моя!», «Даур, ты псих!»

В этот момент из-за угла, гремя ключами и палкой, вышел дядя Баграг — вечный блюститель порядка, глава дворового совета и просто человек, который помнил ещё, как по этому двору ходили ослики с кувшинами молока.

Баграг прищурился на Даура, который гордо стоял, обнимая почти голый, ободранный прут, с которого ещё свисали два жалких, но героических соцветия.

— Ва, Даур! — крикнул старик, и в его голосе смешались почтение и крайнее недоумение. — Ты зачем, как верблюд караванный, этот дрючок по району таскаешь? Поломал бы всё сразу, отдал девушкам и свободен. Нет, генацвале, ты ходишь, словно пыльцу по гектарам разносишь. Объясни моей седой голове.

Даур выдохнул, вытер жёлтую от пыли ладонь о штаны и посмотрел Баграту прямо в глаза. Взгляд у него был точь-в-точь как у орла, который притащил в гнездо барана и теперь докладывает орлице о проделанной работе.

— Дядя Баграт, слушай сюда, — сказал он веско. — В прошлом году эти три голубки съели мне мозг чайной ложечкой. Цветов я им не подарил! Позора было — хоть в джунгли уходи, к обезьянам. И я решил: в этот раз всем хватит. Каждой женщине в нашем районе. Пусть не по букету — по веточке, но от чистого сердца. Чтоб никто не ушёл обиженный. Понял, да?

Он хлопнул по голому пруту, и тот задребезжал, словно струна.

— Видишь, два малюсеньких осталось. Вот за углом тётя Нуну живёт — ей отнесу. И всё. Миссия выполнена. А то, что дрючок, — так дрючок мы потом с тобой на шампуры распилим. Красивая древесина, между прочим.

Дядя Баграт крикнул ещё раз, снял кепку, потёр лысину, а потом неожиданно громко расхохотался — так, что с соседнего балкона выглянула тётя Флора, всё ещё не выпускающая из рук мимозу, и погрозила кулаком.

— Ай, маладэц, Даурик! — отсмеявшись, прохрипел Баграт. — Если б у нас в правительстве так снабжение планировали — страна бы цвела! Иди уже, горе-садовод. Только, будь добр, последнюю ветку тёте Нуну лично в руки, а то она подслеповата — ещё примет тебя за ходячий куст и польёт из шланга.

— Всё будет в лучшем виде! — пообещал Даур и зашагал к калитке, унося свой почти пустой, но всё ещё гордо поднятый жёлтый скипетр. А вслед ему неслось три девичьих голоса:

— Даур, ты лучший! Даур, дай пять! Даур, а на следующий год приходи с целым стогом!

Он обернулся, улыбнулся широко, по-абхазски, и прокричал:

— В следующем году приду с деревом! Вместе с корнями! — и шмыгнул за угол, пока снова не начали смеяться.

Как я мечтал на дереве

Я всегда любил читать на дереве. Забирался на яблоню, садился на толстую ветку и читал, читал, читал. Моё воображение кидало меня из книги в книгу. Вот я на паруснике в южных морях, а тут я с капитаном Немо, а здесь бегу вслед четвёрке мушкетёров. Дух захватывало от этих путешествий. Ветка была будто специально для меня создана — с естественным изгибом под спину и маленьким развилком, куда так удобно ставилась кружка с компотом. Бабушка, выглядывая из кухонного окна, качала головой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.